образованный или необразованный, върующій или невірующій, богатый или білсемейный или несемейный. такой человъкъ нашего времени, работая свою работу или веселясь своими весельями, потребляя плоды своихъ или чужихъ трудовъ для себя и для близкихъ, какъ и всв люди, ценавидя всякаго рода стъснения и лишения, вражду и сградания. Живеть спокойно такой человькь; вдругь кь нему приходять люди и говорять ему: во 1-хъ, объщайся и поклянись намъ, что ты будень рабски повиноваться намъ во всемъ томъ, что мы предпишемъ тебъ, и будещь считать несомнѣнной истиной и подчиняться всему тому, что мы придумаемъ, рѣщимъ и назовемъ закономъ; во-вторыхъ, отдай часть твоихъ трудовъ въ наше распоряжение; мы будемъ употреблять эти деньги на то, чтобы держать тебя върабства и пометнать тебе противиться насиліемь нашимъ распоряженіямъ; въ 3-хъ, избирай и самъ избирайся въ мнимые участники правительства, зная при этомъ, что управленіе будеть происходить совершенно независимо оть техъ глупыхъ рачей, когорыя ты будешь произносить съ подобными тебъ, и будетъ происходить по нашей воль, по воль тьхь, въ рукахь кого войско; въ четвертыхъ, въ извъстное время являйся въ судъ и участвуй во всёхъ тёхъ безсмысленныхъ жестокостяхъ, которыя мы соверинаемъ надъ заблудшими и развращенными нами-же людьми, подъ видомъ тюремныхъ заключеній, изгнаній, одиночныхъ заключеній и казней. И, наконецъ, въ пятыхъ, сверхъ всего этого, не смотря на то, что ты будешь находиться въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ людьми другихъ народовъ, будь готовъ тотчасъ же, когда мы тебѣ велимъ это, считать тьхь изь этихь людей, которыхь мы тебъ укажемъ, своими врагами и содъйствовать лично или наймомъ раззоренію, ограбленію, убійству ихъ мущинь, женъ, дітей, стариковъ, а можетъ быть, и твоихъ одноплеменниковъ, можетъ быть, и родителей, если это намъ понадобится.

Казалось бы, что можеть отвътить на такія требованія всякій неодуренный че-

ловъкъ нашего времени?

«Да зачѣмъ же я буду дѣлать все это», казалось бы съ удивленіемъ долженъ сказать всякій душевно здоровый человѣкъ. «Зачѣмъ я буду объщаться повиноваться всему тому, что мнѣ велятьныньче Салисбюри, завтра Гладстонъ, ныньче Буланже, завтра палата изъ такихъ же Буланже, ныньче Петрь III, завтра Екатерина, послѣ завтра Пугачевъ, ныньче Баварскій сумасшедшій король, завтра Вильгельмъ. Зачѣмъ я буду объщаться повиноваться имъ, зная ихъ за дурныхъ или же пустыхъ подей или вовсе не зная ихъ? Зачѣмъ я буду подъ видомъ податя отдавать имъ поды своихъ трудовъ, зная, что деньги

употребляются на подкупь чиновниковь, порымы, церкви, войска, на дурныя діла и на мое же порабощеніе ; зачёмь я буду свчь самъ себя ? Зачьмъ я пойду, теряя свое время и отводя себъ глаза и придавая насильникамъ подобіе законности, участвовать въ выборахъ и притворяться, что я участвую въ управленіи, когда я знаю очень хорошо, что управление государствомъ въ рукахъ техъ, въ рукахъ кого войско? Зачемъ я пойду въ судахъ участвовать вь истязаніяхь и казняхь людей за то, что они заблуждаются, зная, если я христіанинь, что законь мести замъненъ закономъ любви, и, если я обравованный человікь, то, что наказанія не улучщають, а только ухудшають людей, которыхъ имъ подвергають? И, зачёмъ, главное, я изъ за того только, что ключи оть Герусалимскаго храма будугь у того, а не у этого архіерея, что въ Болгарія будеть княземь тогь, а не этоть намень, и что тюленей будуть ловить англійскіе, а не американскіе купцы, признаю врагами людей сосъдняго народа, сь когорыми я жиль до сихъ поръ и желаю жить въ любви и согласіи, и найму солдать или самъ пойду убивать и раззорять ихъ п самъ подвергнусь ихъ нападенію? И зачёмь, главное, буду содействовать лично ли, или наймомъ военной силы порабощенію и убійству своихь братьевь и отцевь? Зачёмь я буду сёчь самь себя? Все это мић не нужно и все это мић вредно и все это со всъхъ сторонъ безнравственно, подло, скверно. Такъ зачемъ же я буду делать это? Если вы говорите, что безъ этого мить оть кого то будель худо, то, во первыхъ, ничего столь худого, какъ то худое, которое вы мнъ причиняете, если я послушаюсь васъ, мнѣ ни огъ кого не предвидится; во вторыхъ, мнѣ совершенно ясно, что если мы сами не будемъ съчь себя, то и никто не будеть сычь нась. Въдь правительство — это цари, министры, чиновники съ перьями, которые меня ни кь чему, какь тоть становой мужиковъ, принудить не могуть: поведуть меня насильно въ судъ, въ тюрьму, на казнь не цари и чиновники съ перыями, а тћ самые люди, которые находятся вътакомъ же положеній, какъ п и. А имъ такъ же безполезно и вредно, и непріятно быть съченными, какь и мнъ, и потому по већиъ въроятіямъ, если я имъ открою глаза, они не только не должны насиловать меня, но должны сдёлать то же, что и я.

Въ трегьихъ, если бы даже и случилось то, что миъ пришлось бы пострадать за это, то и тогда миъ выгодить быть сосланнымъ или запертымъ въ тюрьму, отстапвая здравый смыслъ и добро — то, что, не ныньче — завтра, то черезъ очень короткое время, должно восторжествовать, чъмъ пострадать за глупость и зло, кото-